

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

В статье определяется место традиционализма в истории Европейского спиритуализма. Автор раскрывает принципы и формы актуализации традиционализма в XX столетии. Анализируются также специфические черты русского традиционализма и его влияние на образовательные стратегии в современной России.

В начале XXI века можно определенно утверждать, что XX век прошел под знаком интенсификации экономической деятельности человечества. Успехи, достигнутые в этой области, способствовали формированию представления об универсальной и вседвлюющей природе экономики. Не случайно еще на заре индустриальной цивилизации понятие «экономика» не только было «реабилитировано» европейским сознанием, но и переосмыслено как политэкономия. Такое семантическое усиление предвосхитило процесс последовательной экстраполяции экономических принципов как на социально-политическую, так и на духовную сферу. Марксизм в данном случае выступил как адекватное выражение капиталистической сущности европейского самосознания. Таким образом, экономический принцип стал сначала воспроизводиться на социальном уровне, выразившись в образовании наций; затем — на политическом — образование колониальных империй; и, наконец, — на гуманитарном — превращение духовной сферы в глобальный шоу-проект.

Экономическое доминирование Запада в XX столетии позволило ему вместе с экономическими моделями распространять свои гуманитарные и социогуманитарные модели. Это привело к вытеснению и даже к уничтожению оригинальных культурных феноменов. Тем самым, во-первых, произошло и продолжает происходить упрощение культурного пространства человечества, снижающее его творческие, продуктивные возможности. Во-вторых, увеличивается опасность появления псевдокультурных, химерических образований, динамика развития которых не поддается расчету. Ситуация усугубляется назревающим кризисом самой западной системы, который уже очевиден в духовной сфере и приобретает все более четкие очертания в политике и в экономике. Как ни странно, но его истоки были открыты еще в первой половине XIX века славянофилами в Рос-

сии. Уже тогда в знаменитой статье «О характере просвещения в Европе...» И. В. Киреевский определил границы позитивного содержания западной духовности и выявил разрушительные тенденции в ее развитии.

На Западе несколько позже, но более жестко Ницше положил начало критическому отношению к европейской цивилизации. В XX веке стала привычной философская критика западного мира. О. Шпенглер, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Фуко, П. Слотердайк, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида и другие, можно сказать, его «деконструировали». Однако деконструкция выразила исключительно созерцательное отношение культуры к сложившемуся положению. При понимании сути происходящего путей, направленных на преодоление кризисной ситуации, предложено не было.

Философия, конечно, не решает практических задач. Ее дело через тематизацию проблем инициировать в культуре деятельность по их практическому разрешению. Если же теоретические усмотрения не востребованы практическим применением, то это значит, что в системе произошел фундаментальный разрыв, полагающий предел процессу культурной регенерации. Сегодня, пожалуй, можно говорить о завершении продуктивного этапа европейской истории, освященного идеями Просвещения. Проект Наполеона по созданию единого социокультурного пространства на основании всеобщей разумности к настоящему моменту себя исчерпал. Доказательством тому служит, во-первых, контрпродуктивность трансляции просвещенческих идеалов на неевропейские культурные образования; во-вторых, — утрата самим Западом способности самовоспроизводиться. Особенно отчетливо это выражается в Соединенных Штатах. Сегодня лидер западного мира вынужден привлекать из других стран не только неквалифицированную рабочую силу, но и кад-

ры, способные поддерживать и развивать «наукоемкое воспроизводство» собственной системы.

Речь идет о развитии патологической апатии, вызванной рецидивом тотальной удовлетворенности. Пророчества Ницше о скором упадке западной цивилизации выявляли, но до конца не проясняли причины происходящих процессов. Думается, немецкий философ переоценивал значимость Античности для истории европейской духовности, одновременно перетолковывая позитивное содержание христианства, рассматривая его в контексте официальной, секуляризирующейся церковности. Влияние античных идеалов, в особенности римских, скорее спровоцировало метаморфозы христианства в Европе. Не случайно еще во времена Древней Руси начали различать греческую, латинскую, а потом и православную веру. Критерий, по которому отличали православное исповедание от греческого, латинского, протестантского, устанавливал степень строгости следования принципу: Богу — богово, кесарю — кесарево. Последовательное нивелирование разделения между небесным и земным, священным и мирским превратило Европу уже к XVII столетию в культуру, только терминологически напоминающую о причастности к христианской вере. С одной стороны, данное превращение выразилось в абсолютизации материальности человека и мира, с другой, — в формализации представлений о мире. Отсюда экономическая сфера вполне закономерно получила приоритет как в системе общественного развития, так и в системе представлений о человеке. Так вкратце могут быть определены причины мировоззренческих превращений западной культуры, отразившиеся во внутреннем мире цивилизованного европейца. Иван Киреевский выразил это следующим образом: «В одном углу его сердца живет чувство религиозное, в другом — отдельно силы разума и уси-

лия житейских занятий, в третьем — стремление к чувственным утехам...»¹.

Формализм и экономизм — вот фундаментальные принципы самосознания современной цивилизации. Представляя собой своего рода два полюса западной культуры, они претендуют на продуктивный универсализм в горизонте социокультурной практики. Образовательная система как наиболее существенный элемент социокультурной сферы с необходимостью попадает в силовое поле этих принципов, что означает фактический отказ от образования как самодовлеющей сферы жизнедеятельности человека. С одной стороны, оно включается в процесс всеобщего товарообмена, превращаясь в товар; с другой — образование предельно схематизируется, выполняя функцию подготовки специальных кадров. Между тем сущность образования глубже и шире, чем просто специализация человека, безотносительно к его половой, расовой, религиозной, национальной принадлежности.

Семантика понятия «образование» с очевидностью указывает на его причастность к форме духовной деятельности, воссоздающей полноту человеческого образа. В христианской традиции таковой явлен в лице Христа. Еще Ренессанс удерживал это понятие. Однако, начиная с Макиавелли, которому люди видятся звероподобными существами, и Бруно, которому собственно человеческая природа кажется бесконечно ничтожной, формируется иная тенденция. В ее контексте человек переосмысливается как субъект. В отличие от «человека» содержание субъекта определяется исключительно содержанием самодовлеющего сознания, которое в соответствии с собственными принципами «конструирует» мир. Так появляется «гражданин», и забота об образовании становится прерогативой государства. Его сменяет «производитель материальных благ», своевременно превращающийся в их «потребителя». Понят-

но, что образование в такой ситуации имеет мало общего с первоначальным и собственным предназначением.

Формализация жизни общества и человека, ставшая результатом угасания религиозного напряжения, в образовательно-воспитательном плане подготавливала почву к упрощенному пониманию мира и человека. Внешние наставления и указания, исходящие от авторитета, формировали иллюзию полноценного познания истины, не требующей удостоверения в интимном переживании. Формально-логическая тенденция в мировоззрении и следующая за ней материализация привели к тому, что истина стала полагаться вне человека, что, с одной стороны, вело к искажению представления о самой истине, а, во-вторых, подготавливало почву для последующих опытов-экспериментов над самим человеком.

В настоящее время даже гражданская определенность субъекта утрачена. Отсюда пропорционально увеличивающаяся апатичность европейца. Утрата не только внешней, но и внутренней определенности предполагает утрату стимулов и потребности в продуктивной активности.

Резюмируя все сказанное, можно допустить, что «закат Европы» обусловлен не распространением христианской традиции, а ее извращением, выразившемся в смешении материального и идеального, телесного и духовного, профанного и сакрального начал. Интересно то, что, хотя интеллектуальная реакция на секуляризацию сложилась в Европе уже во времена первых практических успехов рационализма (консервативное движение: Эдмунд Берк, Жозеф де Мэстр, Рене Шатобриан), всего через сто лет ее христианская тональность исчерпалась. Вместо этого заявил о себе традиционализм, который ориентировался не только и не столько на христианство, сколько на религиозную традицию в целом, преимущественно в восточном варианте.

Традиционализм как самостоятельное направление философского знания сформировался в первой половине XX века. Его появление предопределили как общий кризис западной цивилизации, апогеем которого явились две мировые войны, так и кризис собственно философского знания, попытку преодоления которого принято связывать в первую очередь именем Хайдеггера. Примерно в то же самое время, когда происходит реформирование метафизики, во Франции появляются работы Рене Генона. Он предложил путь, который изначально отрицал плодотворность пути, избранного западным миром. Отрицание Геноном позитивной значимости современной философии с необходимостью следовало из общей его позиции, о чем свидетельствуют многочисленные полемические публикации и целые разделы его книг.

Принципиальное разногласие Генона с общей парадигмой европейского самосознания выражалось тезисом об утрате Европой связи со своей культурной традицией, с христианством. Причем для французского мыслителя христианство ценно не как феномен культуры, а как ее исток, как то, что предполагаемо культурой. Потому оно не может быть осмыслено в категориях формально-отвлеченного знания, но достигнуто в рамках мистического опыта. Тяга к внешней рассудочности — признак вырождения духовной, а значит, интеллектуальной деятельности. Попытки рационального знания достичь предельного прояснения соотношений всевозможных феноменов действительности расценивались Геноном как недопустимый произвол мысли, утрачивающей связь с основополагающими началами бытия. Отсюда интерес Генона к восточной цивилизации, в особенности к исламу. Для него исламский мир обретает значимость как место подлинной культуры, черпающей свои силы не через военную и внешнеполитическую экспансию, а через непрестанное постижение горизонтов ре-

лигиозного откровения. Следует отметить, что исламская ориентация Генона имела в виду не бесплодность христианства в принципе, но только его современное западноевропейское бесплодие. И последней целью, которую ставил перед собой и перед своими последователями Генон, было обнаружение глубинного единства христианства с исламом.

Кроме Генона к традиционалистам принято относить его ближайшего ученика Юлиуса Эволу, видящего спасение европейской цивилизации в обращении к языческим древнегерманским культам. Эту идею пытался взять на вооружение фашизм в Италии и отчасти в Германии. Среди мыслителей второй половины XX столетия, приближающихся по своим воззрениям к традиционалистской доктрине, стоит отметить Алена де Бенуа и Мирче Элиаде, исследующего истоки религиозных традиций.

Таким образом, в контексте философского знания традиционализм означает возврат мысли к своим нерациональным истокам, предрассудкам, как их определял Генон. Только в данном случае предрассудок понимается не в качестве дорациональной, подсознательной формы деятельности духа, а как проявление высшей сверхрациональной, сверхсознательной реальности, природа которой не подлежит рассудочному анализу. В концептуальном плане такой ход означает преодоление не только эксцентрической и эгоцентрической, но также антропоцентрической парадигм европейской культуры. Иначе говоря, снимается как проблема субъекта, так и проблема человека. Отсюда понятно, почему при серьезности интеллектуальных изысканий традиционализм на Западе остается мертвым знанием. Возможно, традиционалисты и проникли в глубины подлинной духовности, но при этом остались созерцателями. Их опыт — всего лишь тщательная, почти феноменологическая дескрипция религиозного опыта Ислама,

Буддизма, Индуизма, Христианства. Примечательно и то, что традиция восточного, а тем более, русского христианства, сохранило в западном традиционализме статус *terra incognita*. Отсутствие своего рода интеллектуального вкуса толкнуло западных традиционалистов к экзотическим для европейца знаниям и увело в сторону от того знания, которое исторически им было гораздо ближе. Поэтому закономерно, что течение стало только модным интеллектуальным капризом.

По-видимому, романтический настрой видеть во всем тайну и не столько разгадывать, сколько выстраивать по ее поводу разнообразные концепции, создал интеллектуальную атмосферу, благотворную для новейших философско-антропологических, психолого-педагогических и образовательных разработок. XIX и XX века создали огромное количество концепций в области психологии, педагогики и образования. Но такой инновационный плюрализм скорее подчеркивает «таинственность» человеческой природы и совсем не приближает теорию и практику к созданию универсальной антропологическо-образовательной концепции. Напротив, действительный успех продемонстрировали те системы образования, которые основывались на традиционных представлениях о человеке. В первую очередь следует отметить опыт послереволюционной России. В нашей стране, несмотря на радикальные преобразования практически во всех сферах жизни, включая духовную, были найдены пути по преодолению разрыва между искомыми целями и исконными традициями жизненного уклада.

Парадоксально то обстоятельство, что русский марксизм не стал крайним выражением профанного, антирелигиозного интеллектуализма. В нем реализовалась религиозная подоплека русской культуры. Революция в России явила сакральность исторического процесса как процесса космического. Достижения послереволюционной России могут быть ис-

толкованы в качестве позитивной актуализации не только революционного энтузиазма, но и как новаторство традиции. Беспристрастный анализ программ и действий, имевших место в Советской России в середине XX столетия, указывает на их генетическое родство с основополагающими началами русской и российской культуры. Продуктивность советской эпохи объясняется способностью большевистской власти к воспроизведению в обновленных формах культурных доминант, определявших культуру России на протяжении всего ее существования.

Успех русской революции может быть отчасти объяснен тем, что в момент глубочайшего и острейшего кризиса удалось воссоздать единство волевых, интеллектуальных и эстетических устремлений; другими словами, — решить «главную» (по выражению Киреевского) задачу: собрать все отдельные части души в одну силу, чтобы отыскать то внутреннее средоточие бытия, «где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истина, и удивительное, и желанное, и милосердие, и весь объем ума сливаются в одно живое единство»².

Сравнивая официальную доктрину образования, предложенную в 1830 году С. С. Уваровым, с идеологической программой, принятой в Советской России, без труда убеждаешься в их сходстве. Место «Православия» заняла коммунистическая идея. Идея «Самодержца» преобразовалась в идею вождя, «Народность» была понята как коллективизм. Важно учесть, что формальное сходство обусловлено близостью мировосприятия в целом. Либерально-демократическая мысль продолжительное время пытается дискредитировать фундаментальные начала русской, а значит, российской культуры. Так, начиная с XVIII века, в духовной сфере совершаются сверхусилия по замещению идеи жертвенности прагматико-утилитаристским концептом. Рецидивы этого процесса происходят на ру-

бежах XIX–XX и XX–XXI веков. Именно в эти периоды обостряется полемика, вызванная необходимостью модернизации образования.

«Узкая специализация» — вот норма, к которой стремится свести образовательный процесс либеральное сознание. Легко уловить ее генетическое родство как с утилитаризмом, так и с индивидуализмом. Здесь труд понимается как субъективная инициатива, предполагающая в качестве цели личное благополучие, выражаемое в материальном благосостоянии. Но еще Владимир Соловьев показал, развивая учение славянофилов, что, во-первых, индивидуальный человек — это отвлеченная абстракция, во-вторых, что материальное благополучие не может быть истолковано как конечная цель человеческого существования. Следовательно, подлинное образование предполагает наличие органического, цельного знания. Основание, на котором оно возвышается, — «...это Вера, Вера православная... Вера со всею ее животворностью и строительною силой, мысленной свободой и терпеливою любовью»³. Отсюда жертвенность как первичное отношение человека к бытию, определяющее содержание и его личности, и той общности, через которую оно раскрывается. Такой мировоззренческий горизонт охватывает любую деятельность, в том числе трудовую, не как направленную на достижение личной выгоды, а как направленную на достижения общего благосостояния. Причем, «общее» включает не только пространственную, но и временную перспективу.

Революция вновь заставила понять, что народ — это тот фундамент, на котором может и должна держаться культура. Народ не племя, объединенное чувством более или менее близкого кровного родства. Народ и не общность людей, держащихся вместе по чисто прагматическим соображениям. Народ — это обще-

ство, живущее сознанием духовного единства, со-знанием каждого о неотделимости личной судьбы от судьбы мира, удерживаемого верой (знанием) в неземной, сверхъестественный смысл бытия. Так, по верному слову Н. Я. Данилевского, «только та деятельность плодотворна, то чувство искренно и сильно, которые не сомневаются в самих себе — и считают себя окончательными и вечными... Без этой иллюзии ни истинно великая деятельность, ни истинно великое чувство не возможны»⁴.

В заключение хочется привести пример, подтверждающий не только возможность осуществления рассмотренных принципов, но также их удивительную плодотворность. В космонавтике, самой наукоемкой и высокотехнологичной отрасли производства, России до сих удается сохранять лидирующие позиции. Не говоря уже о том, что окно в космос было открыто именно в России, всего через двенадцать лет после самой разрушительной в мире войны. В этой связи следует помнить, что идейным вдохновите-

лем русской космонавтики был Николай Федорович Федоров, который требовал актуализации исключительно нравственных оснований для научной деятельности. По мысли русского философа, только наука, утверждающая высшую моральную правду, является животворной. Только она способна противостоять мертвой механистической «скорописи». К. Э. Циолковским же двигали отнюдь не отвлеченная созерцательность и не тщеславие. Его мысль продвигалась в рамках проекта гораздо более глобального, нежели социальная революция. Изживание высшей мировой несправедливости по отношению к тем, кто жизнь отдал за благополучие нынешних поколений, — вот что конечном счете стимулировало развитие русской науки. И как вновь не вспомнить А. С. Хомякова, опровергавшего утверждение о единственном научном методе. Русский философ доказывал, что «путь к истине следует из культурно-исторических особенностей народа, в сознании которого зреет научное знание»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Киреевский И. В. О характере просвещения в Европе и его отношении к просвещению в России // Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 229.

² Там же. С. 260.

³ Хомяков А. С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // Хомяков А. С. Собрание сочинений. М., 1910. Т. 1. С. 255.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа М., 1991. С. 69.

⁵ Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 129–141.

A. Sokolov

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL TRADITIONALISM AND MODERN EDUCATION

The place of traditionalism in the history of European spiritualism is defined. The forms and principles of traditionalism are investigated. The specific features of Russian traditionalism and its influence on modern educational strategies are analyzed.